

МРНТИ
04.11.91

СЦЕНАРНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ КАЗАХСТАНА В ГОРИЗОНТЕ 2040. МОЛОДЕЖЬ КАК НОСИТЕЛЬ ФОРСАЙТ МЫШЛЕНИЯ

Айгуль Забирова^{1*}

Ермек Бурибаев²

Наталья Сейтахметова³

^{1*} Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор; Астана, Казахстан, e-mail: zabirowa2010@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-9558-187X

² Председатель Правления – Ректор НАО «Жетысуский университет им. Ильяса Жансугурова», доктор юридических наук, профессор; Талдыкорган, Казахстан, ORCID ID: 0000-0003-0433-596X

³ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН РК; Алматы, Казахстан, ORCID ID: 0000-0001-6297-7317X

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.001>

Аннотация. Статья предлагает культурно-социологический анализ представлений о будущем среди молодёжи Казахстана в горизонте 2040 года. Опираясь на методологию гуманитарного форсайта и материалы двадцати фокус-групп, проведённых в пяти регионах страны, авторы реконструируют сценарные модели, в которых переплетаются эмоции, идентичность и моральные притязания. В центре внимания находится молодёжь как носитель сценарной субъектности, способный не только воображать альтернативные траектории будущего, но и проговаривать их как формы культурного участия. Анализ выявляет четыре сценария, каждый из которых репрезентирует определённый эмоциональный тон и символический порядок.

Работа демонстрирует потенциал культурного форсайта как гибридной исследовательской рамки, сочетающей методы нарративного анализа, сценарного моделирования и эмоциональной картографии. Полученные результаты

актуальны не только для социологического и футурологического дискурса, но и для разработки культурной политики, ориентированной на признание молодёжи как соавтора символического порядка будущего.

Ключевые слова: *молодежь, Казахстан, форсайт анализ, сценарная субъектность.*

2040 ЖЫЛДАР КӨКЖИЕГІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖОСПАРЛЫ СУБЪЕКТІЛІГІ. ЖАСТАР ФОРСАЙТ ОЙЛАУДЫҢ ИЕЛЕРІ РЕТІНДЕ

Айгүл Забирова^{1*}, Ермек Бурибаев², Наталья Сейтахметова³

^{1*}ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор

²Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің Басқарма төрағасы – ректор, заң ғылымдарының докторы, профессор

³ ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық ғылым академиясының корреспондент мүшесі

Андатпа. Мақала 2040 жылдар көкжиегіндегі Қазақстан жастары арасындағы болашақ жайлы мәдени-әлеуметтанулық талдауларды ұсынады. Гуманитарлық форсайт әдіснамасы мен елдің бес аймағында жүргізілген жиырмадай фокус-топ материалдарына сүйене отырып эмоциялар, бірегейлік және моральдық талаптар тоғысында авторлар жоспарлы үлгіні құрылымдайды. Жастар болашақтың баламалы траекториясын болжаушы ғана емес, сонымен қатар олар мәдени қатысудың формасы ретінде де айқындалып, субъектілік жоспарды тасымалдаушы ретінде қызығушылық тудырады. Талдау олардың әрқайсысы белгілі бір эмоционалдық реңк пен символдық тәртіпке өкілдік ететін төрт жоспарды анықтайды. Жұмыс жоспарлы модельдеу мен эмоционалды картографияның нарративті талдау әдісін біріктіретін аралас зерттеу аясы ретінде мәдени форсайттың әлеуетін айшықтайды. Алынған нәтижелер тек әлеуметтанулық және футурологиялық дискурстар үшін ғана емес, болашақтың символикалық тәртібін қалыптастыруда жастарды тең серіктес деп танитын мәдени саясатты жасауда өзекті.

Түйін сөздер: *жастар, Қазақстан, форсайт-талдау, жоспарлы субъектілік.*

ENVISIONING 2040: YOUTH AND SCENARIO SUBJECTIVITY IN KAZAKHSTAN

Aigul Zabirova^{1*}, Ermek Buribayev², Natalya Seitakhmetova³

^{1*}Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociology, Professor

² Chairman of the Board – Rector of Ilyas Zhansugurov Zhetysu University, Doctor of Law, Professor

³ Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

Abstract. This paper offers a cultural-sociological examination of the future Kazakhstan's youth envisions for 2040. Drawing on the methodology of social foresight

and the data from twenty focus groups conducted in five regions of the country, the authors develop scenario models in which emotions, identity, and moral aspirations are intertwined. The primary focus is on youth as agents of scenario subjectivity, capable of envisioning alternative future pathways and articulating them as expressions of cultural involvement. The study identifies four scenarios, each reflecting a distinct emotional tone and symbolic framework. The paper illustrates the potential of cultural foresight as a hybrid research framework that integrates story analysis, scenario modeling, and emotional mapping methodologies. The conclusions are significant for sociological and futurological discussions as well as for the development of cultural policy that acknowledges youth as co-creators of the future's symbolic order.

Keywords: *youth, Kazakhstan, foresight analysis, scenario subjectivity.*

Введение

Дискуссии о будущем долгое время оставались прерогативой технических дисциплин и экономической науки. Возможные общественные конфигурации измерялись в графиках роста ВВП, в расчётах потребления ресурсов и в оценках технологических сдвигов. Оно описывалось как то, что поддаётся моделированию, и, следовательно, как то, что можно предвидеть, запланировать, удержать под контролем. Однако в условиях XXI века, с его экологическими, культурными и геополитическими потрясениями, представления о будущем утрачивают идею линейности. Всё чаще долгосрочная перспектива мыслится как множественное, неопределённое и символически насыщенное пространство, где эмоции, мораль и воображение начинают иметь значение. Иначе говоря, в гуманитарных и социальных науках обозначается сдвиг от представления будущего как линейной проекции (Miller, 2018) [1] к его пониманию как культуры, включённой в повседневные практики, моральную рефлексию и социальное воображение (Сардар, 2010; Muraro & Salles-Filho, 2024) [2, 3]. Мы исходим из того, что одним из таких инструментов становится концепт сценарной субъектности как теоретической основы в анализе Казахстана в горизонте 2040. Это понятие вводится нами в настоящей работе как попытка описать форму культурного участия, при которой индивид выстраивает альтернативные траектории, соотнося их с собственными ценностями, идентичностями, чувствами. В отличие от политической субъектности, которая предполагает участие в институтах, сценарная субъектность акцентирует способность формировать возможное, удерживать и артикулировать сценарии, в которых субъект признаёт себя участником.

Особое внимание мы уделяем молодёжи как носителю foresight-мышления. Форсайт мышление представляет собой специфическую форму когнитивной и агентной установки, предполагающей активную работу с альтернативными образами будущего. Таким образом, мы предлагаем рассматривать молодёжный форсайт как форму культурной субъектности, в которой эмоции, идентичность и мораль становятся не фоном, а центральными условиями сценарного мышления.

Казахстан как постсоветское общество находится в уникальной позиции. Страна интегрирована в глобальные процессы модернизации, но при этом сохраняет традиционные культурные матрицы. Эта амбивалентность между цифровым ускорением и культурной инерцией создаёт особую чувствительность к будущему. Такие официальные стратегии как «Казахстан–2050»,

«Цифровой Казахстан» [4], «Рухани Жаңғыру» задают технократические векторы развития. Но как эти векторы воспринимаются снизу? Какие образы и чувства связываются с будущим в повседневном опыте? Что из него кажется достижимым, а что нет? Эти вопросы и стали предметом форсайт анализа.

Методологически форсайт означает направление, соединяющее сценарный анализ с качественными методами гуманитарных и социологических исследований. В гуманитарном форсайте будущее понимается как форма культурного воображения как сплава образов, эмоций, ожиданий и моральных притязаний. Как подчёркивает Риэл Миллер (Miller, 2018), форсайт это способ артикулировать потенциальные сценарии, основанные на коллективном опыте. В этом ключе важны вопросы *«что мы считаем возможным», «что признаём желательным», «какие формы будущего считаем легитимными и справедливыми»?*

В социологических исследованиях последних лет (Sangwa&Mutabazi, 2025) [5] показано, как образовательные ожидания формируют культурные сценарии будущего у студентов в изменяющихся обществах. В культурной социологии активно изучается влияние цифровых образов на идентичность молодёжи (Ataie&Afzaltousi, 2025 [6]). В результате перехода от традиций к инновациям осмысляются и ценностные сдвиги среди молодых людей в Азербайджане (Abbaszadeh и Dokht, 2026) [7]. Приведенные примеры указывают на общее направление сдвига, в котором временной горизонт всё чаще осмысляется как культурное поле, в котором сталкиваются и переплетаются различные формы эмоций, ориентации и социального воображения.

Таким образом, воображение будущего всё чаще мыслится как форма социальной субъектности [8, 9, 10, 11]. Под социальной субъектностью мы понимаем специфический режим мышления, в котором человек становится соавтором возможного (Appadurai, 2013; Miller, 2018) [12, 1]. В этом контексте особенно значимой выступает идея сценарной субъектности, способности индивидов и групп не просто высказывать мнение о будущем, но формулировать альтернативные сценарии, соотносить их с личными и коллективными ценностями, и представлять себя в качестве действующих лиц этих сценариев.

Сценарное позиционирование оказывается способом услышать, как формируются горизонтальные культуры времени. Через этот концепт мы можем уловить формы включённости молодёжи в пространство символического действия, проследить, как оформляются этические ориентиры, и на какой почве строится образ желаемого будущего. В фокус группах нет прямого вопроса, каким будет Казахстан в 2040 году. Фокус группы позволяют вслушиваться в то, как он уже сейчас представлен в речах, чувствах и образах молодых людей? Как страна надежды или апатии, как пространство возможностей или барьеров? Вводимый нами концепт сценарной субъектности означает способность социальных акторов не просто представлять грядущие социальные формы, но формулировать альтернативные траектории в соответствии с эмоциональными, этическими и идентификационными основаниями. Мы используем этот термин как аналитический инструмент для описания того, как молодёжь размещает себя в различных сценарных конструктах, формируя моральные, символические и агентные позиции в отношении будущего.

Важно подчеркнуть, что вводимое нами понятие сценарной субъектности не тождественно таким категориям, как агентность или социальная субъектность. В социологической теории агентность обычно понимается как способ-

ность индивида или группы осуществлять действие и влиять на социальную реальность (Giddens, Emirbayer & Mische). Социальная субъектность, в свою очередь, описывает более широкий процесс формирования субъекта в социальных и культурных структурах. Сценарная субъектность отличается от этих понятий тем, что она фиксирует особую форму работы с будущим, в которой акторы не только действуют или занимают социальные позиции, но и мыслят себя в горизонте альтернативных сценариев. Речь идёт о способности удерживать множественность возможных траекторий и соотносить их с собственными ценностями, эмоциями и идентичностями. Таким образом, сценарная субъектность обозначает специфическую форму субъектной ориентации на будущее, в которой воображение и моральная рефлексия становятся частью социального действия.

Данная форма субъектности приобретает значение аналитического фокуса нашего исследования, позволяя выявлять способы включённости в воображаемое время, формы символического действия и границы культурной автономии. Мы полагаем, что именно эта перспектива даёт возможность рассматривать молодёжь как соавтора образов будущего, с его тревогами, надеждами и потенциальными маршрутами развития.

Таким образом, сценарная субъектность концептуально вписывается в поле культурной социологии (Geertz, Appadurai) [12, 13], где акцент делается на интерпретации символических структур; гуманитарного форсайта (Miller, Ramirez & Wilkinson) [1, 14], подчеркивающего множественность и моральную насыщенность образов будущего; и моральной артикуляции (Boltanski, Thévenot) [15], как способности формулировать ценностные притязания в условиях неопределённости. Её близость к понятию «социального воображения» (Anderson & Taylor, 2004) [16] делает её продуктивной для анализа не только содержательных, но и символических основ общественной трансформации.

Методология сбора и анализа данных

Методологическую основу исследования составляет соединение качественной стратегии анализа фокус-групп с инструментарием сценарного и ценностно-регистрового кодирования. Такой подход позволил реконструировать более глубокие, аффективные и символические структуры, лежащие в основе молодёжного воображения будущего.

Полевой этап проводился в сентябре-ноябре 2025 года в пяти макрорегионах Казахстана¹ (Север, Юг, Центр, Восток и Запад). В каждом регионе было организовано по четыре фокус-группы, всего двадцать фокус-групповых дискуссий. Участниками стали молодые люди в возрасте от 18 до 26 лет. Баланс по полу, типу занятости (студенты, молодые специалисты, временно неработающие) и географическому происхождению соблюден. Отбор участников осуществлялся по принципу целевой выборки. Основной задачей было обеспечить разнообразие социальных позиций и жизненных траекторий молодёжи. При формировании групп учитывались регион проживания, пол, возраст и тип занятости (школьники, студенты, молодые специалисты, временно неработающие).

Сценарий интервью включал темы восприятия настоящего, желаемых и нежелательных образов будущего, ожиданий от государства, личной и кол-

¹ Фокус групповые дискуссии проводились исследовательской кампанией Qogam, г. Талдыкорган, Казахстан.

лективной ответственности, а также вопросов идентичности, языка и символических ориентиров.

Фокус-группы велись в онлайн формате, в видеоформате, что важно для фиксации интонационных и невербальных аспектов, особенно значимых при анализе эмоциональных установок. Полученные стенограммы составили единый корпус, сгруппированный по регионам, тематикам и социодемографическим параметрам участников. Фокус-группы велись на казахском и русском языках.

Задача фокус-групп была в том, чтобы *услышать возможное*. Уловить, как молодые люди в Казахстане представляют себе 2040 год, какими словами, чувствами и образами они наделяют это представление и на каких культурных основаниях строится это воображение. Заметим, что в отличие от индивидуальных интервью или количественных опросов, фокус-группы дают возможность для спонтанного обмена, здесь чувства, сомнения и надежды озвучиваются вслух, резонируют и получают символическое оформление. Именно в таких диалогах начинает проявляться сценарное воображение как коллективный процесс смыслового производства.

На первом этапе анализа было произведено первичное кодирование. В частности, мы извлекли из текстов аутентичные фразы участников, отразившие их базовые интуитивные смыслы. Каждое высказывание кодировалось с указанием региона, пола, возраста и контекста, что позволило уловить не только тематическую, но и географическую и гендерную специфику. Например, «Главное – уехать и выжить» (Запад, юноша, 22), «Ценности? Это в рекламе, не в жизни» (Север, девушка, 19), «Я сам собираю себя из разных частей – это и есть я» (Центр, юноша, 21). Мы сохраняли эти фразы в их оригинальной лексике, чтобы уловить интонационную структуру и эмоциональные регистры.

На втором этапе анализа было осуществлено тематическое группирование. Здесь первичные коды были сгруппированы в более широкие смысловые блоки, повторяющиеся тематические структуры. На этом уровне и проявились основные зоны культурной и символической концентрации:

- Образование как путь к мобильности и успеху,
- Семья как опора и граница,
- Язык и культура как идентичность,
- Институциональное недоверие,
- Самореализация как моральное право,
- Эмоциональная турбулентность и выгорание.

Эти кластеры стали основой для дальнейшей реконструкции сценариев и региональных различий.

На третьем этапе анализа было предпринято сценарное и теоретическое кодирование. Был применён подход культурного форсайта (Ramirez & Wilkinson, 2016; Miller, 2018). В этом подходе сценарии рассматриваются как символические структуры, через которые артикулируются социальные ожидания и аффективные диспозиции. Так были реконструированы четыре сценарные модели будущего Казахстана:

- «Казахстан возможностей» как модель инициативной самореализации,
- «Ценности как якорь» как сценарий моральной преемственности,
- «Гибридное общество» как выражение множественной идентичности,
- «Фрагментированный Казахстан» как символическая утрата общности.

Эти сценарии не были прямо озвучены участниками, но стали результатом теоретической интерпретации их ценностных ориентаций и эмоциональных тональностей.

Эмоциональная тональность как категория анализа. Особое внимание уделялось эмоциональному тону, чувствам, через которые проговаривается опыт настоящего и отношение к будущему. Методологически в анализе мы ориентируемся на реконструкцию механизмов сценарной субъектности, как способ, которыми молодые участники включают себя в сценарии, формируют позиции, отказываются или, напротив, принимают предлагаемые культурой маршруты будущего.

Результаты исследования: культурное воображение будущего

Фокус-групповые дискуссии, проведённые в пяти регионах Казахстана, выявили, что молодые участники не мыслят временной горизонт как результат плана, стратегии или внешней реформы. Для них оно скорее предстаёт в виде эмоционального поля, наполненного символами, суждениями, личными историями и коллективной интуицией. Воображение будущего рассматривается как способ проговорить то, что в настоящем вызывает сомнения и ожидания.

Эмоциональная тональность, или чувства как способ осмысления времени. Будущая траектория в молодёжной речи окрашена в определённые чувства. Эти чувства образуют устойчивые эмоциональные регистры, которые задают интонацию восприятия возможного. Эти тональности мы рассматриваем как формы сценарной субъектности. Через них молодёжь позиционирует себя в возможном будущем, определяет границы участия и дистанции, выбирает способы моральной навигации в условиях неопределённости.

Надежда составляет одну из наиболее устойчивых эмоций. Она особенно проявляется в дискуссиях на тему образования, личного развития и возможности улучшить свои перспективы. Эта тональность особенно характерна для молодёжи из Восточного и Центрального регионов, где наблюдается сильная ориентация на саморазвитие: «Если я буду учиться и развиваться, у меня точно получится» (Восток, девушка, 20 лет), «Мы сами сделаем это. Не через связи, а через знания» (Центр, юноша, 21 год). Надежда здесь проектная установка, связывающая усилия в настоящем с желаемой траекторией в будущем, что согласуется с интерпретацией надежды как «аффективной инфраструктуры будущего» (Anderson, 2006).

Оптимизм как вера в потенциал страны и поколения. Оптимизм отличается от надежды более высокой степенью социальной направленности. Молодёжь связывает возможности будущего с трансформацией страны, Казахстана как государства возможностей, инноваций и свободного самовыражения: «Мы хотим, чтобы Казахстан стал страной стартапов, инноваций и креативности» (Центр, юноша, 22 года) или «Наша страна может быть успешной, если доверять молодёжи» (Юг, девушка, 19 лет). Здесь речь идёт о коллективных установках, в которых возможные общественные конфигурации представляет собой поддающееся изменению при условии участия и признания молодого поколения.

Тревога как неуверенность и чувство неопределённости. Тревожная тональность проявляется в форме личной неуверенности, страха перед будущим, ощущении давления со стороны семьи и социума: «Иногда кажется, что ты

просто не знаешь, как жить дальше» (Север, девушка, 23 года), «Будущее как будто выключено, всё в тумане» (Запад, юноша, 21 год). Эти чувства коррелируют с «аффективным параличом» (O'Mahony et al., 2024), когда неспособность выстроить чёткий образ будущего приводит к стагнации, утрате стратегического мышления и эмоциональному выгоранию.

Скепсис как выражение разочарования в институтах и нормативах. Скепсис характеризуется дистанцированным, критическим отношением к социальным институтам, государственным стратегиям и официальным ценностям: «Какая разница, кто у власти? Нам всё равно ничего не дадут» (Запад, юноша, 22 года), «Ценности? Это то, что показывают в рекламе, но никто не соблюдает» (Север, девушка, 20 лет). Скепсис блокирует механизмы вовлечения и делает сценарное проектирование менее убедительным для этой части молодёжи.

Стремление к балансу как выражение гибридных идентичностей и культурного синтеза. Последний, но особенно важный эмоциональный паттерн, это установка на ценностное равновесие. Молодёжь ищет баланс между уважением к традиции и стремлением к индивидуализации и глобальным ориентирам. Это зрелая установка, в которой проявляется потенциал культурной гибкости: «Я хочу сохранить язык и семью, но жить по-своему» (Восток, девушка, 21 год), «Можно быть казахом и при этом думать глобально» (Центр, юноша, 20 лет). Эти установки формируют основу для гибридных сценариев будущего, где идентичность пластична и разнородна (Сардар, 2010).

Важно отметить, что многие участники демонстрируют смешанные чувства, в которых надежда соседствует с тревогой, а оптимизм со скепсисом, что указывает на переходное состояние самого поколения. В терминах foresight-анализа, мы можем говорить о ценностной множественности (Muraro & Salles-Filho, 2024), когда одна и та же группа способна колебаться между различными траекториями будущего в зависимости от внешнего контекста, ресурсных условий и доверия к возможностям действия.

Символические образы, или как молодёжь кодирует будущее. Казахстан в горизонте 2040 проговаривается и через символические конфигурации, устойчивые фигуры, в которых молодёжь узнаёт себя и своё поколение. Эти образы повторяются как культурные коды:

1. Стартап-государство. Страна как пространство возможностей, инициатив и цифровой мобильности: «Если дашь молодым шанс, то они сделают больше, чем любые госпрограммы» (Восток, девушка, 19 лет).

2. Общество уважения. Это модель, в которой важны моральные границы, язык, преемственность: «Хочется жить там, где тебя уважают за знания, за ценности, за язык» (Юг, юноша, 20 лет).

3. Цифровой кочевник как персонаж, сочетающий казахскую идентичность и глобальную мобильность: «Я онлайн. Я в мире. Но я не теряю, кто я» (Центр, девушка, 21 год, специалист по цифровому дизайну).

4. Индивидуалист в изоляции. Фигура молодого человека, действующего в одиночку, без институциональной поддержки: «Сначала сам выживи, потом думай о стране» (Запад, юноша, 22 года).

В этих образах отражены не просто модели поведения, а символические пространства, в которых ведётся борьба за признание, за участие, за смысл. В них отмечены различия в отношении к будущему. Кто-то надеется, кто-то выжидает, кто-то защищается, кто-то проектирует.

Форсайт-анализ: тренды, слабые сигналы, риски и возможности

Разговор о будущем, зафиксированный в фокус-группах, редко оформлялся в виде последовательных проектов или расчётов. Чаще он представлял собой фоновое мышление, эмоционально насыщенное проговаривание процессов, которые кажутся молодым людям важными, хотя и не всегда поддаются формулировке. Это своего рода символическая атмосфера, в которой отдельные суждения, наблюдения, переживания начинают складываться в контуры возможного. Такого рода мозаика позволяет выявить более хрупкие и такие значимые элементы как слабые сигналы, а также зоны напряжения и потенциального роста. Вместе они образуют картину будущего не как плана, а как пространства чувствительности и символической навигации.

Тренды. Пожалуй, самый отчётливый тренд составляет не просто цифровизация, а её вращение в повседневную субъективность. Молодёжь не мыслит себя вне цифровой среды, она не просто использует технологии, она живет в них. Соцсети, мессенджеры, цифровые профили становятся не только каналами общения, но и способами собирания себя, рефлексии, идентификации: «Если тебя нет в ленте, то тебя как будто вообще нет» (Юг, юноша, 25 лет). Иначе говоря, цифровое пространство задаёт новую норму видимости, где важен не только статус, но и постоянное присутствие. За этим стоит не просто комфорт, но и давление на психику, поскольку быть вне означает быть исключённым.

Другой тренд составила повышенная чувствительность к моральным понятиям. Молодые участники часто возвращаются к темам справедливости, достоинства, уважения. Но уже как к личным вопросам. Что значит быть честным? Что я должен? И кому? Что справедливо, когда у всех разный старт? Это выражается, в том числе, в новом интересе к образованию как к ресурсу саморазвития, выбора, понимания мира. Учёба здесь уже понимается как попытка выйти за пределы заданного сценария, найти своё место в системе, где нет очевидных ориентиров.

На пересечении локального и глобального формируется третий тренд, культурная гибридность. Молодёжь легко переходит от казахских выражений к английскому сленгу, от упоминаний о традициях к обсуждению ментального здоровья, от разговоров о семье к идее цифровогономада. Молодые не видят в этом конфликта. Напротив, это воспринимается как необходимая форма выживания и адаптации. «Я казах, я мусульманин, я глобальный. И это всё я» (Центр, юноша, 26 лет). Такого рода множественность не требует разрыва с традицией, но предполагает новую форму идентичности, в которой принадлежность определяется как многоуровневая и подвижная.

Слабые сигналы. На фоне этих трендов появляются и менее отчётливые, но тревожные маркеры. В некоторых высказываниях слышна усталость от необходимости быть сильным, от постоянной необходимости соответствовать, всегда хорошо учиться, работать, доказывать. Иногда это артикулируется как ощущение заикленности, невозможности выйти за рамки уже прописанного маршрута: «Кажется, что ты просто не знаешь, как жить дальше» (Север, девушка, 23 года). Другой сигнал составляет эмоциональное выгорание от цифрового режима. Участники говорят о том, что алгоритмы начинают формировать их желания, что лайки становятся критерием самооценки. Наконец, молчание языка, особенно казахского. В городских группах, особенно на юге и западе,

звучали такие признания как «я избегаю говорить на казахском», «я стеснялся в университете». Это сопровождается чувством вины, неловкости, ощущением, что язык не встроен в повседневную речь, что он остался в символической нише, семье, праздниках, политике.

Риски. Одним из центральных рисков участники видят усиление фрагментации между поколениями, регионами, языковыми группами, социальными мирами. Город и село, Север и Юг, младшие и старшие: «Мы не понимаем друг друга, каждый в своём пузыре» (Север, девушка, 21 год). За этим стоит тревога, если нет символической ткани, то что удерживает общество? Другой риск составило отношение к государству как внешнему, далёкому, процедурному. Это не значит, что молодёжь аполитична. Но её политичность оформляется через отказ от ритуала, через стремление к равенству. Риски в этом контексте становятся зонами, где сценарная субъектность сталкивается с невозможностью представить себя в будущем.

Возможности. Несмотря на тревоги, в речи участников звучит готовность к участию, оно проживается как реальное, значимое, уважительное. Молодые люди хотят говорить, быть услышанными, участвовать в обсуждении правил. В этом чувствуется этический поворот поколения зуммеров и миллениалов. От послушания к диалогу, от формальной лояльности к внутреннему согласию: «Мы не хотим быть объектами, а партнёрами» (Восток, юноша, 24), «Нам не нужно особое отношение, просто нормальное» (Восток, юноша, 21). Отсюда как потенциальная возможность идея построения такой горизонтальной культуры уважения, в которой молодёжь признаётся не будущим ресурсом, а активным субъектом настоящего. Именно здесь проходит граница между отчуждением и сопричастностью. Не в статусе, а в языке, в пространстве, где возможно быть услышанным.

Анализ данных: сценарные модели будущего Казахстана

Временные горизонты, представленные в нарративах молодёжи, внутренне полифоничны. Молодёжное воображение будущего формируется как выражение того, что возможно, что допустимо, что желательно, а что вызывает отторжение. В этом смысле сценарии стоит понимать больше как формы культурной артикуляции, в которых соединяются эмоции, ценности и опыт. В процессе анализа фокус-групп мы выделили четыре сценарные модели. Каждая из них представляет собой культурную конструкцию, основанную на определённых моральных координатах, символических ожиданиях и эмоциональной тональности. Эти сценарии не замыкаются друг на друге. Они пересекаются, спорят, сосуществуют внутри одного поколения и даже в речи одного человека.

Сценарий 1. Казахстан как страна возможностей. К ключевым ценностям здесь относятся свобода, развитие, образование, предпринимательство. Эмоциональный тон определяется смысловым ядром, включающим оптимизм, мобилизация, вера в усилия. Ключевые образы представлены стартап-государством, открытыми границами, цифровой мобильностью. Предпосылками для реализации служат развитая цифровая инфраструктура, образовательные реформы и поддержка молодёжных инициатив. Среди потенциальных вызовов отмечают усиление неравенства и цифровую сегрегацию. Данный сценарий отражает стремление молодежи к свободной самореализации и превращению Казахстана в общество открытых возможностей. Молодёжь видит в будущем такое государство, в котором личные усилия, знания и инновации являются

главными ресурсами успеха: «Хочу, чтобы Казахстан стал страной возможностей, а не ограничений» (Центр, девушка, 19 лет), «Если дашь молодым стартап, то они сделают больше, чем любые программы» (Восток, девушка, 19 лет). Ценности индивидуальной траектории, доступ к качественному образованию, возможность легальной самореализации стали центральными осями этого сценария. Он переключается с оптимистическими траекториями в международных foresight-проектах (O'Mahony et al., 2024), где образ будущего основан на усилении цифровых и креативных индустрий.

Сценарий 2. Ценности как якорь. Ценностное ядро сценария формируют семья, стабильность, моральный порядок, преемственность. В установках уверенности и укорененности отражен эмоциональный настрой участников. Среди доминирующих образов будущего можно назвать общество взаимного уважения, сохранение языка и традиций. Реализация этого сценария возможна при наличии стабильных институтов, поддержки культуры и сохранении локальной идентичности. Угрозами для устойчивости сценария названы культурная закрытость, ограничение свободы и отчуждение молодёжи. В этом сценарии доминирует представление о будущем как о возвращении к норме, в которой ключевыми ориентирами выступают такие традиционные ценности как уважение к старшим, семья, религиозные нормы, национальная культура: «Если потеряем культуру, то не останется ничего» (Юг, юноша, 20 лет), «Нельзя просто брать всё новое, нужно помнить, откуда ты» (Север, девушка, 22 года). Данный сценарий связан с эмоциональной потребностью молодого человека в стабильности и коррелирует с ценностно-консервативными траекториями в foresight-исследованиях, где *сохранение моральных ориентиров рассматривается как ответ на неопределённость* (Murago & Salles-Filho, 2024).

Сценарий 3. Гибридное общество. Символическими якорями для будущего молодёжи выступают гибкость, мультикультурность, баланс и толерантность. Эмоциональный тон нарративов включает в себя зрелость, культурную пластичность и принятия. Символическое воображение включает в себя образы казахского глобалиста, цифрового кочевника, синтез Востока и Запада. Условиями реализации выступают ценностная инклюзия, гибкая образовательная система, поддержка языкового многообразия. Сценарий характерен для общества, в котором молодёжь осознанно совмещает традиционные маркеры идентичности с глобальными кодами и опирается на принятие различий и культурную адаптивность: «Можно быть казашкой и при этом думать глобально» (Центр, девушка, 21 год), «Я говорю на трёх языках и это не стыдно, это норма» (Восток, юноша, 20 лет). Всё это указывает на появление новых форм идентичности в Казахстане, в которых сосуществуют национальное и транснациональное. В целом это переключается с концепцией «adaptive futures» (Wilkinson & Ramirez, 2016), где *ключевую роль играют навыки гибкости и множественности*.

Сценарий 4. Сценарий замкнутых идентичностей. Фрейм будущего строится вокруг выживания, недоверия, апатии и институционального скепсиса. Ядро эмоций составляют тревога и отчуждение. Ключевые образы вобрали в себя общество изолированных индивидуумов, цифровой побег, уход за границу. Предпосылками для реализации сценария названы рост неравенства, культурная атомизация, падение доверия. Риск-факторами в рамках данного сценария выступают социальный раскол, утрата языка и миграция. Этот сценарий отражает тревожные ожидания части молодёжи, связывающей возможные

изменения не столько с государством, а сколько с собственными усилиями и инициативами: «Главное для меня будет уехать и выжить» (Запад, юноша, 23 года), «Каждый сам за себя. Я не верю, что кто-то поможет» (Север, девушка, 22 года). Этот сценарий представляет собой антиутопическую траекторию, в которой снижение доверия и рост индивидуализма ведут к культурной дезинтеграции. Подобные сценарии описываются в foresight-литературе как «critical disruption paths» (Ramirez & Wilkinson, 2016). Заметим, что подобные сценарии важны не в контексте реализации, а для понимания возможных рисков.

Таким образом, каждый из этих сценариев означает возможный режим субъектного позиционирования, в котором молодёжь наделяет себя ролью инициатора (1), хранителя (2), навигатора (3) или отстранённого наблюдателя (4). Полученные нами сценарии могут использоваться в анализе молодёжных стратегий, в мониторинге культурных сдвигов, а также при проектировании программ в области образования и культурной политики.

Интерпретация результатов: молодёжный форсайт как форма культурной субъектности

Форсайт в молодёжных нарративах это попытка услышать настоящее в процессе становления. Пространство, где молодые участники впервые могут услышать самих себя. Для многих из них разговор о будущем является поводом к переосмыслению собственного места в обществе. Не просто «кем я буду», но «что для меня имеет значение», «в каком обществе я хочу жить», «на каких основаниях возможно наше общее». Показательно, что чаще звучали эмоции, сомнения, надежды, желание быть включёнными в культуру как систему смыслов. Это сближает форсайт с тем, что в культурной социологии называют возможностью выразить то, что переживается как важное, но редко находит язык.

Особое значение в этом процессе приобретает эмоциональная работа. Молодёжь говорит о будущем через тревогу, надежду, усталость, вдохновение, и именно эти эмоциональные регистры становятся основой субъектности. Как показали Барбара Адам и другие исследователи времени [17], чувства становятся структурой социального воображения, определяя, какие формы действия и ответственности становятся возможными. Фокус-группы высветили, что даже в условиях усталости от неопределённости молодые люди не отказываются от участия. Но они ищут *другие, горизонтальные, диалогичные формы соучастия, основанные на уважении и признании*. Это иная, этическая избирательность, готовность включаться там, где есть смысл, справедливость, внимание к голосу.

В этом смысле молодёжный форсайт стоило бы обозначить как социальную практику. Потому что он работает как форма включения, даёт пространство, в котором можно быть сложным, непоследовательным, рефлексивным. Важно подчеркнуть, что молодёжь в нашем анализе не предстаёт как исключительно однородная группа, поколение Z с заранее заданными характеристиками. Напротив, перед нами мозаика интонаций, культурных ориентаций, в которой видно, что субъектность формируется в пространстве говорения, участия, символического признания. Такое понимание форсайта требует отказа от инструментального взгляда. Речь идёт о создании культурной оптики, в которой возможно увидеть какие слова исчезают, какие чувства не получают адресата, а какие смыслы требуют нового языка. Молодёжный форсайт, таким образом, означает скорее форму культурной чувствительности. Он показывает, какое бу-

душее становится переживаемым, как оно оформляется в речи, в эмоциях, в образах. И почему его стоит услышать.

Заключение

Настоящее исследование показало, что временной горизонт сегодня больше, чем предмет стратегического планирования, это форма культурного воображения, в которой молодёжь артикулирует собственные чувства, ценности и ожидания. Форсайт в этом контексте становится средством понимания того, как молодые люди мыслят о себе, о стране и о мире, в который они входят. Молодёжь в Казахстане говорит о будущем на языке эмоций и образов. Эти интонации указывают на сложный переход от привычных нарративов развития к поиску символических опор, без которых никакое долгосрочное видение не будет признано подлинным. Речь идёт не просто о перемещении по карьерной или образовательной траектории, а о моральном праве на будущее, с уважением, с выбором, с участием.

Сценарии, которые были вычленены в ходе анализа, от страны возможностей до фрагментированного общества, не являются прогнозами в прямом смысле. Это формы артикуляции ценностных конфликтов настоящего, которые проецируются вперёд. Каждый из них несёт в себе потенциал, как конструктивный, так и тревожный. И от того, как общество отзовётся на эти символические сигналы, зависит, какая траектория окажется более жизнеспособной.

С методологической точки зрения предпринятая нами работа демонстрирует потенциал культурного форсайта как эмпирически насыщенной формы анализа. Форсайт, как он применён в данном исследовании, выходит за пределы классического сценарного моделирования. Он соединяет инструменты культурной социологии, нарративного анализа и эмоциональной картографии, позволяя не только вывить устойчивые темы, но и реконструировать аффективные структуры, через которые молодёжь оформляет своё отношение ко времени, обществу и себе.

Такой подход открывает широкие возможности для переосмысления как самой молодёжной политики, так и более широких культурных стратегий. Актуальность полученных результатов для культурной политики в необходимости развернуть институциональное внимание к тем слоям молодёжного опыта, которые обычно остаются за пределами аналитики. Речь идёт о признании молодежи не просто как объекта поддержки, но как соавтора будущего. Это требует такой формы политического слышания, в которой внимание к языку, к чувствам, к региональному и культурному многообразию становится основой доверия. Долгосрочная перспектива становится пространством сценарной субъектности, которую важно поддерживать, через признание, участие и открытые формы символического обмена.

Но, пожалуй, главный вывод представленного исследования состоит в том, что будущее это уже не вопрос о том, что будет? А вопрос о том, что будет признано возможным, справедливым, достойным. Молодёжь предлагает нам язык, в котором эти слова снова обретают силу. И, возможно, задача общества в том, чтобы услышать тех, кто уже его чувствует.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR24993269 «Эволюция и трансформация ценностных ориентиров казахстанского общества в период Независимости».

Список литературы

1. Миллер, Р. Образы будущего: Как и зачем они создаются // OECD Working Papers on Foresight and Public Governance, 2018, №1.
2. Сардар, З. Открывая будущее: теория постнормальных времён. – Алматы: Фонд «Ценности и воображение», 2010.
3. Muraro, D., Salles-Filho, S. Youth perspectives on futures literacy and foresight practices. // Futures. 2024. Vol. 151. Article 103183.
4. Государственная программа «Цифровой Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
5. Sangwa, J., Mutabazi, E. Educational aspirations and value shifts: A foresight approach. // Education and Futures. 2025. Vol. 8(1). P. 78–95.
6. Ataie, M., Afzaltousi, M. Race, representation, and foresight in digital youth culture. // Journal of Future Studies. 2025. Vol. 30(2). P. 41–59.
7. Abbaszadeh, N., Dokht, R. Values in transition: Foresight perspectives in Azerbaijani youth identity. // Cultural Futures. 2026. Vol. 12(4). P. 115–130.
8. van der Duin, P. Qualitative futures research for innovation: Tools for thinking and talking. // Futures. 2006. Vol. 38(3). P. 267–273.
9. Hadian, K., et al. Foresight in sports innovation ecosystems. // Futures. 2025. Vol. 149. – P. 102984.
10. Gebeil, S., et al. Digital memory and future values in cultural archiving. // Archival Futures. 2025. Vol. 7(3). P. 50–67.
11. Foresight and anticipatory governance. OECD Futures Literacy Series. –Paris: OECD, 2021.
12. Appadurai, A. (2013). The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. <https://www.amazon.com/Future-Cultural-Fact-Essays-Condition/dp/1844679829>
13. Гирц, К. Интерпретация культур: Избранные эссе. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
14. Wilkinson, A., Ramirez, R. A. Demystifying scenario planning: Towards understanding its logic for strategy and innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 111. P. 12–20.
15. Naccache, Philippe & Leca, Bernard. (2008). Luc Boltanski and Laurent Thévenot: On Justification: Economies of Worth. Administrative Science Quarterly - ADMIN SCI QUART. 53. 762-764. 10.2189/asqu.53.4.762.
16. Anderson, M.L. and Taylor, H.F. (2004) Sociology: Understanding a Diverse Society. Thompson Learning Inc., Canada, 528.
17. Адам, Б. Время и социальная теория. – М.: Канон+, 2008.

References

1. Miller R. Obrazy budushego: kak i zachem oni sozdaytsya [Images of the Future: How and Why They Are Created] // OECD Working Papers on Foresight and Public Governance, 2018, №1.
2. Sardar Z. Otkryvaya budushee: teoriya postnormalnykh vremen [Discovering the Future: The Theory of Postnormal Times]. – Almaty: Fond «Zennosti i voo-brazhenie», 2010.
3. Muraro, D., Salles-Filho, S. Youth perspectives on futures literacy and foresight practices. // Futures. 2024. Vol. 151. Article 103183.
4. Gosudarstvennaya programma «Zifrovoy Kazakhstan» [State program "Digital Kazakhstan"] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>

5. Sangwa, J., Mutabazi, E. Educational aspirations and value shifts: A foresight approach. // *Education and Futures*. 2025. Vol. 8(1). P. 78–95.
6. Ataie, M., Afzaltousi, M. Race, representation, and foresight in digital youth culture. // *Journal of Future Studies*. 2025. Vol. 30(2). P. 41–59.
7. Abbaszadeh, N., Dokht, R. Values in transition: Foresight perspectives in Azerbaijani youth identity. // *Cultural Futures*. 2026. Vol. 12(4). P. 115–130.
8. van der Duin, P. Qualitative futures research for innovation: Tools for thinking and talking. // *Futures*. 2006. Vol. 38(3). P. 267–273.
9. Hadian, K., et al. Foresight in sports innovation ecosystems. // *Futures*. 2025. Vol. 149. – P. 102984.
10. Gebeil, S., et al. Digital memory and future values in cultural archiving. // *Archival Futures*. 2025. Vol. 7(3). P. 50–67.
11. Foresight and anticipatory governance. OECD Futures Literacy Series. –Paris: OECD, 2021.
12. Appadurai, A. (2013). *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition*. <https://www.amazon.com/Future-Cultural-Fact-Essays-Condition/dp/1844679829>
13. Girtz K. Interpretaxiya kultur. Izbrannye esse [Interpretaxy of Cultures: Selected Essays]. – M.: Rossiskaya politicheskaya enziklopediya, 2004.
14. Wilkinson, A., Ramirez, R. A. Demystifying scenario planning: Towards understanding its logic for strategy and innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 111. P. 12–20.
15. Naccache, Philippe & Leca, Bernard. (2008). Luc Boltanski and Laurent Thévenot: On Justification: Economies of Worth. *Administrative Science Quarterly - ADMIN SCI QUART*. 53. 762-764. 10.2189/asqu.53.4.762.
16. Anderson, M.L. and Taylor, H.F. (2004) *Sociology: Understanding a Diverse Society*. Thompson Learning Inc., Canada, 528.
17. Adam B. *Vremya I sozialnaya teoriya [Time and Social Theory]*. – M.: Kanon+, 2008.

Материал поступил в редакцию 11.02.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026